

Баранова Марина Владимировна,
профессор кафедры теории и истории государства и права,
Нижегородского государственного университета
им. Н.И. Лобачевского,
доктор юридических наук, кандидат культурологии, профессор

Языковая правовая культура как основание эффективного развития технологизированного многополярного мира

Внедрение новых технологий, смена ценностных ориентиров, значимые преобразования в политике и культуре, обусловленные формированием многополярного мира, детерминируют модернизацию бытия современного российского социума. При этом право неизменно сохраняет свой регулятивный потенциал, представляя собой действенный инструмент, особый гарант, фундамент для упорядочения общественных отношений, разрешения конфликтов, защиты прав.

Специфику условий функционирования права в новых условиях быстрой смены событий и новых политико-правовых доминант характеризует, во-первых, взаимообусловленность его трансформации с изменениями в социуме. Негативные и позитивные начала при этом сосуществуют, порождая креативные направления дальнейших преобразований сферы права.

Во-вторых, усиливающаяся юридизация отношений актуализирует важность юридической практики, значимость виртуозного владения специалистом технико-юридическим инструментарием, языком права, понимания ценности языковой правовой культуры. Одновременно юридизация подразумевает возможность освоения гражданами приемов и способов самостоятельного получения правовой информации. При активном внедрении цифровых технологии это становится реальным, причем изменения мирового политического «ландшафта» не создает помех для доступа к значимым юридическим сведениям. Государственные

властные веления транслируются через знаковую языковую систему, что позволяет обеспечить системность, корректность, точность их понимания при условии владения спецификой юридического языка.

В-третьих, активное внедрение цифровых технологий предоставило условия для доступности юридической информации, что позитивно повлияло на скорость и эффективность работы представителей юридической практики и правоведов. Однако, порой, обманчивое впечатление дилетантов о простоте обращения со столь доступным для обращения юридическим текстом, отсутствие сформированной системы знаний и правовых речевых ценностей неизбежно повлекло ошибки в понимании регламентации и искаженное представление о языке права, вызвало серьезные проблемы при правореализации.

Научное осмысление специфики функционирования права в условиях современных реалий позволяет проявить новые аспекты значения языка права, юридического языка, языковой правовой культуры для эффективности этого процесса.

Для понимания феномена языковой правовой культуры определяющей является сущность правовой культуры в целом, которая, по мнению Е.В. Спекторского, «выражена Ульпианом в двух словах: *justitiam colimus*. Слово *colimus* при этом употреблено в двойном смысле: культура и культуры. И посему формула римского юриста означала и «мы чтим справедливость» и «мы ее возделываем» (лат.). Справедливость для настоящего юриста действительно является предметом почитания»¹. Солидаризируясь с мнением российского правоведа и философа, следует признать безоговорочную ценность справедливости, акцентировав внимание на особой роли языка права, языковой правовой культуры, позволяющей создавать действенную нормативную базу, регулировать и

¹ Спекторский Е. В. Христианство и культура. / Сост., вступ. статья и примеч. П.Е. Бойко, Л.А. Бойко. М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2013. С.230.

обеспечивать юридическую коммуникацию в профессиональной среде и за ее пределами.

«Явлениями, образующими правовую культуру, традиционно выступают: правовое сознание, правовая наука, правовая деятельность, материальные предметы, обеспечивающие и сопровождающие правовую деятельность, юридические акты»². Безусловно, видение элементного состава правовой культуры зависит от парадигмы исследователя, позволяет варьировать, включая в состав более широкий спектр ценностей, выработанных человеком в правовой сфере, например, язык права, иные технико-юридические элементы.

Опираясь на понимание правовой культуры как уровня развития юридических явлений и инструментов, находящегося в неразрывной взаимосвязи с ценностным содержанием всей правовой сферы включая язык права, можно предложить определение понятия «языковая правовая культура».

Языковая правовая культура – часть правовой культуры, отражающая уровень развития юридического языка, специфику его содержательной стороны, детерминирующая, формирующая, модернизирующая, сохраняющая правовые речевые ценности, фиксирующая и регулирующая технико-юридические аспекты воплощения запретов, дозволений, обязываний, терминов в устной и письменной речи в конкретный временной период.

Здесь представляется значимым отметить, что знаковые системы, используемые в современном мире, в той или иной степени востребованные правом различны. Так, элементы искусственного интеллекта, сложное программное обеспечение требует использования соответствующего языка. При этом сегодня активную дискуссию

² Ромашов Р.А., Шукшина Е.Г. Правовая культура и правовой нигилизм в молодежной среде//Правовая культура, Саратов, №1, 2006, с. 60.

вызывает «...концепт машиночитаемого права и машиноисполняемого права, который является одним из основных направлений цифровых трансформаций в праве, что потребует изменения подходов к юридической технике и самому процессу правового регулирования»³. Возникает вопрос: будет ли этот специфический язык (знаковая система), необходимый для обеспечения деятельности искусственного интеллекта применительно к правовой материи являться языком права? Это элемент языковой правовой культуры? Как будет соотноситься этот элемент с остальными «типичными» составляющими? С высокой долей уверенности можно утверждать, что единая система элементов языковой правовой культуры («типичных» и «инновационных») со временем будет разработана и послужит для повышения эффективности функционирования права, неизменно сохраняющего позиции регулятора, защитника, инструмента выхода из конфликта.

Однако не только искусственный интеллект требует особого подхода для обеспечения понимания языка права, люди, часто, не единообразно воспринимают содержательное наполнение нормативных установлений, испытывают сложности при толковании-уяснении и толковании-разъяснении. Тем более в условиях наметившейся несистемной конвергенции понятийного аппарата юридических и неюридических наук. Четкий юридический язык формирует юридическое мышление, присущее представителям правовой доктрины и юридической практики. Таким образом, объединяется сущность юридического языка и цель его существования. Качество профессиональной деятельности зависит от унифицированного понимания терминологии, требует навыка в употреблении специальных юридических терминов. Стандартизация юридического языка представляет собой путь к эффективности языковой

³ Понкин И.В. Концепт машиночитаемого и машиноисполняемого права: актуальность, назначение, место в PerТехе, содержание, онтология и перспективы // International Journal of Open Information Technologies. 2020. № 9. С. 25.

правовой культуры, как особого регулятора. Попытки стандартизировать язык (не в праве) предпринимались Бенджамином Уорфом, создавшим «стандартный среднеевропейский» язык, Джеймсом Куком Брауном, разработавшим искусственный язык «логлан»⁴. Эти разработки были нацелены на преодоление неточностей и противоречий, создание особой гармоничной действительности. Возможно, отдельные аспекты данных разработок перспективно помогут в исследованиях, направленных на совершенствование технико-юридических аспектов создания и функционирования юридической терминологии. В настоящее время дополнительную сложность представляют термины, созданные посредством транsterминологизации, поскольку их перенос из другой отрасли знания требует большого объема знаний в сопредельных областях и навыка «транспортировки» понятия и его адаптации в правовой среде.

Нормативное закрепление единого понятийного аппарата позволяет обозначить широкий спектр государственно-правовых явлений, зафиксировать властное веление в норме права. «В настоящее время дефиниции составляют значительную часть понятийного аппарата действующей системы законодательства, во многом способствуя ее формальной определенности»⁵, совершенно справедливо утверждала Л.Ф. Апт. Именно терминологический комплекс, присущий языку права в целом позволяет достичь большей степени правовой определенности. Конструирование дефиниций представляет собой сложный процесс, требующий высокого уровня профессиональной подготовки. Не случайно профессор А.С. Пиголкин особо отмечал, что дефекты дефиниций препятствуют правильному пониманию и применению нормативного правового акта, негативно влияют на механизм правового регулирования

⁴ Подробнее см.: Психология и культура / Под ред. Д. Мацумото. СПб., 2003. Гл. 12.

⁵ Апт Л.Ф. Дефиниции в законодательстве Российской Федерации // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы: Материалы Международного круглого стола (Черновцы, 21-32 сентября 2006 года) / Под. Ред. В.М. Баранова, П.С. Пацуркивского. Нижний Новгород, 2007. С. 71-72.

общественных отношений, поскольку определения понятий – нормы особого рода, органически включаемые в механизм правового регулирования⁶.

Уровень языковой правовой культуры определяется качеством юридического языка, особенно это касается понятийного аппарата, являющегося фундаментом для адекватного восприятия норм-правил поведения. Иллюзия легкости в обращении с правовыми предписаниями, свойственная отдельным людям, не имеющим специальных юридических знаний, может привести к непоправимым последствиям в ходе необдуманной реализации. В большинстве случаев право требует профессионального обращения, вдумчивой работы профессионала, владеющего всей полнотой технико-юридического инструментария, владеющего языком права. Здесь весьма актуальным представляется обратиться, например, к идее о возможной перспективной профессиональной подготовке лиц, занятых в сфере создания государственных властных велений. О необходимости профессионализации процесса нормотворчества в работе «Норморайтер как профессия» писал профессор В.М. Баранова. Он отмечал, что, следует признать необходимость организации подготовки, обучения специалистов в сфере нормотворческой деятельности различного уровня - «норморайтеров». Это специалисты, которые не принимают нормативные правовые акты, а именно пишут их, разрабатывают структуру и архитектуру документа⁷. Подготовка таких специалистов должна включать и знание языка, владение языковой правовой культурой. Качество профессионально созданных нормативных правовых актов, в конечном счете, усилит правореализационный потенциал в целом, повысит эффективность функционирования права в целом.

⁶ См.: Язык закона / Под ред. А.С. Пиголкина. М., 1990. С. 129.

⁷ Баранов В.М. Норморайтер как профессия // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 6. С. 21.

Сегодня активная трансформация бытия, внедрение достижений науки и техники не меняют доминантные сущностные черты права, но позволяют иначе воспринять привычные элементы, увидеть в нетипичном ключе потенциальные перспективы их развития, новые функциональные возможности. Язык права, языковая правовая культура представляют собой обязательную базовую основу права, обеспечивают его устойчивый фундамент. Интересна идея, отраженная в работе В.А. Гольцева «Воспитание, нравственность, право» (сборник статей), где автор указывает на безусловную ценность некоего минимума неприкосновенной нравственной сути гражданина, проводя аналогию с принципом Existenz minimum, принятым в учении о финансах 19 века⁸. Оценивая место языка права, языковой правовой культуры следует признать, что эти феномены обеспечивают устойчивость правовой материи, выполняют роль Existenz minimum для эффективного функционирования права, обеспечения поступательного развития правовой науки и юридической практики.

⁸ Гольцев В.А. Нравственность и право // Воспитание, нравственность, право. Типография Высочайше утвержденного Товарищества И.Д. Сытина. Москва, Валовая улица, свой дом. 1897.С.151-152.